

СОФИЯ ВУЛ

ПИСЬМА С ЧУЖИМ ПОЧЕРКОМ

СЕМЕЙНАЯ САГА

КНИГА ВТОРАЯ

София Вул

**Письма с чужим
почерком. Книга 2**

«Автор»

2026

Вул С.

Письма с чужим почерком. Книга 2 / С. Вул — «Автор», 2026

Исчезновение Маши становится началом нового витка семейной тайны. Кирилл готов на всё, чтобы вернуть дочь, но каждый найденный след ведёт к прошлому, в котором чужими оказались не только письма и имена, но и целые судьбы. Старая железнодорожная станция, дом с синими ставнями, забытый роддом и женщины, называющие себя чужими матерями, хранят правду, способную навсегда изменить семью. Алина, Нина, Лиза и Кирилл пытаются отделить воспоминания от внушённой лжи, пока таинственная «София» продолжает свою жестокую игру. Но чем ближе герои к разгадке, тем страшнее становится вопрос: можно ли вернуть похищенного ребёнка, не потеряв другого? Вторая книга семейной саги «Письма с чужим почерком» — пронзительный роман о материнстве, вине, утрате и любви, которая сильнее крови. О семье, где каждый хранит свою тайну, а за последним письмом уже ждёт новое имя.

© Вул С., 2026

© Автор, 2026

София Вул

Письма с чужим почерком. Книга 2

СОФИЯ ВУЛ
ПИСЬМА С ЧУЖИМ ПОЧЕРКОМ
СЕМЕЙНАЯ САГА
КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1. Восемь часов

Восемь часов — это много, если ждёшь поезда, и почти ничего, если твой ребёнок исчез.

Кирилл смотрел на экран телефона, где продолжительность оборванного звонка застыла на двадцати трёх секундах. Двадцать три секунды Машиного голоса. Четыре короткие фразы. Комната без окон. Три кровати. И Зоя, которую они считали беглянкой, свидетельницей, подставной Людмилой — кем угодно, только не женщиной, способной забрать ребёнка.

До трёх семнадцати оставалось семь часов пятьдесят шесть минут.

— Перезвони, — сказала Лиза.

Кирилл уже звонил. Снова и снова. Теперь в трубке отвечал механический голос, сообщая, что абонент недоступен.

— Она сняла часы, телефон и цепочку, — повторила Лиза, будто перечисленные вещи могли привести к дочери. — Зачем она сняла цепочку?

— Чтобы мы не нашли её по передатчику.

— В цепочке нет передатчика.

— Маша могла этого не знать.

— Но тот, кто её увёл, знал.

Лиза сказала это тихо. Кирилл впервые понял, чего она боится больше похищения: Маша ушла сама. Не потому, что не любила родителей, а потому, что кто-то сумел воспользоваться её любовью.

В комнате уже работали люди Антона. Снимали отпечатки с подоконника, фотографировали следы, забирали чистый лист в прозрачный пакет. Проявившиеся слова бледнели на воздухе, и эксперт торопился зафиксировать каждую букву.

«Папа, не ищи меня по тем воспоминаниям, которые у тебя есть».

Кирилл прочитал фразу столько раз, что она перестала складываться в смысл. Потом смысл вернулся и оказался хуже букв.

— Она знала, что мои воспоминания ненадёжны, — сказал он.

— Все знали, — ответила Алина.

— Нет. Это не предупреждение. Это инструкция. Она просит искать её не там, куда указывает моя память.

Денис разложил на столе карту, проявившуюся на обратной стороне листа. Красная линия шла от маяка к острову, обрывалась у северной бухты и была слишком очевидной.

— Значит, остров — приманка, — сказал он.

— Или они рассчитывают, что мы сочтём его приманкой, — возразила Людмила.

— Можно ещё семь часов спорить, что они рассчитывают.

Кирилл схватил куртку.

— Катер будет через десять минут.

Антон встал у двери.

— Ты никуда не пойдёшь.

— Отойди.

— На маяке подпилили ступени. Катер вывели под дистанционным управлением. Камеры заиклились. Они не просто знают ваши привычки — они строят маршрут из ваших предсказуемых решений. Первое решение отца пропавшего ребёнка — самому броситься туда, куда показали.

— Тогда будь непредсказуемым за меня. А я еду за дочерью.

Антон не отступил.

— На остров уже вышли две группы. Береговая охрана перекрывает бухты. Вертолёт поднимется через двадцать минут. Если ты появишься там без связи и подготовки, мне придётся искать ещё и тебя.

Кирилл толкнул его плечом. Антон удержал. Лиза оказалась между ними прежде, чем кто-то успел повысить голос.

— Кирилл, остановись.

— Убрали руки оба, — сказала Алина.

Кирилл отступил. Не потому, что согласился, а потому, что увидел лицо Лизы. Три месяца они учились не спасать друг друга против воли. Теперь любой выбор казался предательством: остаться — предать Машу, уехать — предать обещание не действовать в одиночку.

— Что мы можем сделать? — спросил он.

Антон указал на телефон.

— Разобрать звонок. Всё, что было слышно: эхо, двигатель, шаги, птицы, вода. Проверить, действительно ли звонок сделан с острова. Вспомнить не прошлое, а Машу. Что заставило бы её пойти с незнакомцем?

— Она не пошла бы с незнакомцем, — сразу сказала Лиза.

— Значит, человек был знакомым.

Все посмотрели на Людмилу.

— Зоя встречалась с Машей? — спросила Алина.

— Насколько я знаю, нет.

— «Насколько я знаю» нам уже дорого обошлось.

Людмила не отвела взгляд.

— Я видела Зою последний раз двадцать семь лет назад. На маяке была не она — экспертиза подтвердила. Зоя ниже, у неё повреждена левая кисть после пожара в санатории. Я рассказала всё, что помню.

— А что не помнишь?

— Если бы я знала, что не помню, это называлось бы иначе.

Ответ прозвучал резко, но Алина кивнула. В этой семье незнание слишком долго принимали за вину. Сейчас им нужна была точность.

Эксперт включил запись звонка через колонки. Машин голос заполнил комнату.

«Папа, я в порядке».

Лиза закрыла глаза.

— Она не в порядке.

— Почему? — спросил Антон.

— Потому что говорит не мне.

— Она позвонила на телефон Кирилла.

— Когда ей страшно, она сначала зовёт меня. Даже если сердится. Особенно если сердится.

Запись повторили.

«Не верь фотографии. Мужчина не похож на тебя».

Денис остановил.

— Странная фраза. Мы видели на катере манекен в маске. Почему Маша говорит о фотографии?

— О той, где мужчина возле её кровати, — ответила Алина.

— На фотографии лица почти не видно. Мы решили, что он похож на Кирилла, потому что перед этим увидели фигуру на катере. Она исправляет не факт, а нашу будущую ошибку.

— Откуда она знает, какую ошибку мы совершим? — спросила Лиза.

Никто не ответил.

Эксперт увеличил громкость. После слов о комнате без окон слышался короткий металлический стук. Потом — шорох, похожий на дыхание, и три равномерных удара.

— Маяк? — спросил Кирилл.

— Нет, — сказала Людмила. — Часы.

— Какие часы отбивают три удара в два часа ночи?

— Не время. Сигнал перед процедурой.

Она подошла к колонке так близко, будто могла заглянуть внутрь записи.

— В санатории трижды ударяли по трубе. Дети должны были лечь и закрыть глаза. После этого включали лампу.

Кирилл почувствовал, как в затылке возникла боль. Не воспоминание — только его телесная тень. Белый свет сквозь веки. Холодная простыня. Желание сосчитать удары и невозможность вспомнить, сколько их было.

— У тебя опять? — спросила Алина.

— Нет.

— Ты сжал руку.

Он разжал пальцы. На ладони остались полукружья ногтей.

— Я слышал такой стук.

— Где?

— Не знаю.

Людмила коснулась его локтя и тут же убрала руку.

— После третьего удара врач говорил: «Вчера ещё не случилось».

Денис повторил фразу, пробуя её на вкус.

— Чтобы ребёнок перестал доверять последовательности событий?

— Чтобы он соглашался с новой, — ответила Людмила. — Сначала спрашивали, что произошло вчера. Если ответ не совпадал с нужным, говорили, что вчера ещё не случилось. Потом показывали письмо с правильной версией.

— Письма из будущего, — сказала Алина.

Название последней папки вдруг перестало быть красивой метафорой.

Антон попросил эксперта выделить фон. Из шума проступил низкий гул.

— Генератор, — сказал Кирилл.

— Или судовой двигатель.

— На острове нет электричества. Если второй корпус сохранился, там должен работать генератор.

Антон связался с группой. Северная бухта была пуста. Причал разрушен. Тепловизор показывал один источник тепла в центральной части острова, но подойти к нему мешал обвал.

— Они нашли корпус? — спросил Кирилл.

— Пока только вентиляционный выход.

— Значит, она там.

— Возможно.

Слово «возможно» стало самым ненавистным в комнате.

Алина взяла Машин рюкзак. Он лежал возле кровати, аккуратно застёгнутый. Внутри были книга, наушники, упаковка печенья и тетрадь с нарисованной птицей.

Птица имела четыре крыла.

— Это было здесь раньше? — спросила она.

Лиза побледнела.

— Она рисовала её последние недели. Я думала, придумала символ для «Дома имён».

На следующих страницах птица повторялась десятки раз. Иногда рядом стояла цифра 318, иногда — время 3:17. На последней странице Маша нарисовала три кровати и окно, которого не было.

— С ней связывались до сегодняшнего дня, — сказал Денис.

— Или она вспоминала, — возразила Людмила.

— Ей нечего вспоминать. Она никогда не была в санатории.

— Ты уверен?

Кирилл повернулся к матери.

— Ей тринадцать. Санаторий закрыли до её рождения.

— Закрыли официально.

Лиза села на край кровати.

— Когда Маше было четыре, она исчезла на два часа.

Кирилл посмотрел на жену.

— Что?

— В торговом центре. Я тебе не рассказывала.

— Как можно не рассказать, что наш ребёнок исчез?

— Потому что тебя тогда не было.

— Я был в командировке.

— Ты ушёл от нас на две недели после ссоры. Телефон не брал. Я нашла её возле служебного выхода. Она сказала, что ходила с доброй женщиной смотреть птиц. Охрана просмотрела камеры — Маша всё время была в игровой комнате. На записи она сидела одна за пластиковой горкой, но охранник клялся, что проверял там.

— Почему ты молчала?

— Потому что испугалась. Потому что считала себя плохой матерью. Потому что после твоего возвращения мы сделали вид, что ссоры не было. Выбирай любую причину — все будут правдой.

Кирилл хотел спросить, что ещё она скрыла. Вопрос уже поднялся к горлу, но он увидел: Лиза ждёт его именно сейчас. Ждёт проверки, обвинения, приговора. Старый Кирилл выбрал бы всё сразу.

— Добрая женщина как выглядела?

Лиза выдохнула.

— Маша говорила, что у неё смешная рука. Два пальца не сгибались.

Людмила закрыла глаза.

— Зоя.

Получалось, Зоя вошла в жизнь Маши девять лет назад. Задолго до писем, пожара, могилы и «Дома имён». Пока взрослые считали девочку случайным наследником семейной тайны, кто-то уже назначил ей номер.

— Почему именно Маша? — спросила Лиза.

Людмила не ответила.

— Почему моя дочь?

— Потому что она единственный ребёнок следующего поколения.

— Она не продолжение вашей программы!

— Для нас — нет. Для них — возможно.

Кирилл ударил кулаком по шкафу. Боль вернула комнате границы.

— Хватит говорить о ней как об объекте.

— Тогда будем говорить как о Маше, — спокойно сказала Алина. — Она умная. Наблюдательная. Знает наши ошибки. И оставила предупреждение. Если она пошла с Зоей добровольно, у неё была причина.

Они обыскали рюкзак снова. В боковом кармане Денис нашёл сложенный фантик. На внутренней стороне мелким почерком было написано: «Если хочешь узнать, почему мама тебе не мать, приходи одна».

Лиза прочитала и медленно опустилась на стул.

— Но я её мать.

— Конечно, — сказал Кирилл.

— Я родила её. Есть документы, фотографии, врачи.

После всего, что случилось с документами и врачами, эти доказательства прозвучали беспомощно.

— Она бы не поверила, — добавила Лиза.

— Не поверила бы угрозе тебе, — сказала Алина. — А сомнению могла. В этой семье взрослые слишком часто начинали фразу словами «я твоя настоящая мать».

На обратной стороне фантика стояло: «Спроси у бабушки про девочку из палаты семь».

Все посмотрели на Людмилу.

На этот раз её молчание было другим. Не поиском утраченного воспоминания, а попыткой решить, можно ли снова отложить правду.

— Говори, — сказал Кирилл.

— В палате семь лежала девочка, которую звали Елизаветой.

Лиза подняла голову.

— В каком году?

— В год твоего рождения.

— Это была я?

— Я не знаю. Ратников показывал мне ребёнка через стекло. Сказал, что девочку привезли после отказа матери и что ей нужна семья. Я хотела забрать её.

— Но не забрала.

— На следующий день палата была пустой. Виктор сказал, девочку удочерили.

— И ты ни разу не подумала, что это могла быть Лиза?

— Думала. После того как увидела её взрослой. Но возраст не совпадал на несколько месяцев.

Денис усмехнулся без веселья.

— В нашем архиве возраст — самое надёжное доказательство после чужого почерка.

Кирилл взял фантик через салфетку и передал эксперту.

— Это наживка для Маши. Не факт.

— Но наживка работает, только если пахнет правдой, — сказала Лиза.

Телефон Антона зазвонил. Группа на острове вскрыла вентиляционную решётку. Под ней обнаружили коридор и три комнаты. В первой стояли кровати. Во второй — стол с аппаратурой. Третья была заперта изнутри.

— Маша там? — спросил Кирилл.

Антон поднял ладонь, слушая.

— В корпусе никого. Генератор работает на таймере. На столе телефон, с которого был сделан звонок.

— Тогда откуда она говорила?

— Запись загрузили заранее и отправили как живой вызов.

Лиза резко встала.

— Но она отвечала Кириллу.

— Кирилл ничего не спросил до того, как связь оборвалась. Мы решили, что разговор живой, потому что слышали её голос.

Снова глаза. Снова заранее приготовленная версия. Они приехали к маяку праздновать окончание лжи и за несколько минут поверили изображению, манекену и записи.

— Значит, восемь часов — тоже ложь, — сказал Денис.

Алина посмотрела на часы. До трёх семнадцати оставалось шесть часов сорок одна минута.

— Или срок дан не нам.

В третьей комнате группа нашла школьную парту. На ней лежали чистые листы и ручка. Стены были покрыты детским почерком, но эксперт по видеосвязи сразу заметил: буквы Машины лишь на первый взгляд. Кто-то старательно воспроизвёл её наклон, оставив слишком правильные интервалы.

На доске было написано одно предложение:

«Чтобы найти ребёнка, решите, кто из вас его потерял».

— Мы все, — сказал Кирилл.

— Слишком простой ответ, — возразил Денис.

— Может, речь не о Маше, — сказала Алина.

Людмила опустилась на кровать и провела пальцами по покрывалу, словно искала под тканью старый шов.

— Зоя потеряла дочь.

Комната замерла.

— Ты говорила, у неё не было детей, — напомнил Кирилл.

— Я говорила, что не помню ребёнка. Сейчас вспомнила палату семь.

— Там была Лиза.

— Нет. Там была дочь Зои.

Воспоминание возвращалось к Людмиле кусками. Молодая Зоя стояла у стекла, прижимая повреждённую руку к груди. Рядом Виктор подписывал бумаги. Девочка в палате плакала без звука, потому что за стеклом ничего не было слышно.

— Виктор сказал, ребёнок умер, — прошептала Людмила. — А Зое показали пустую кровать.

— Как звали девочку?

Людмила посмотрела на Лизу.

— Елизавета.

Лиза отступила, будто имя стало прикосновением.

— Нет.

— Я не утверждаю, что это ты.

— Но Зоя утверждает. Поэтому забрала Машу. Она считает меня своей дочерью.

— Или хочет, чтобы ты так решила, — сказала Алина.

— Какая разница, если у неё мой ребёнок?

Разница была. Но сейчас никто не решился произнести её вслух.

Снаружи начинался рассвет. Свет медленно входил в комнату Маши, делая страшные вещи обычными: раскрытый шкаф, смятую подушку, носок под кроватью, чашку с недопитым какао. Кирилл вдруг увидел не место преступления, а жизнь дочери, из которой она вышла несколько часов назад.

На письменном столе лежала пустая тетрадь. Не та, где были птицы, — другая, подаренная Алиной на Новый год. Кирилл перелистал страницы. Все чистые.

На последней обнаружилась вмятина от сильного нажима. Кто-то писал на вырванном листе.

Эксперт посыпал страницу графитовым порошком. Простучал, наклонил к свету. Медленно проявились строки:

«Тётя Алина, если они скажут, что я ушла из-за тайны о маме, не верь. Я пошла, потому что узнала, кто написал первое письмо».

Алина перечитала записку.

— Какое первое? То, с которого всё началось?

Ниже проступило продолжение:

«Его написала я».

— Этого не может быть, — сказал Кирилл.

— Почему? — спросил Денис. — Мы до сих пор не установили автора первого конверта. Почерк копировал Людмилу, бумага была старой, письмо отправили из другого города.

— Маше было двенадцать.

— В двенадцать она уже умела подделывать твою подпись в дневнике, — сказала Лиза и тут же прикрыла рот, словно предала дочь.

Кирилл смотрел на вмятины. Маша не могла начать историю, которая разрушила их семью, привела к пожарам и смертям. Но фраза была написана её рукой — это подтвердил эксперт по характерному соединению букв.

— Её заставили признаться заранее, — сказал он.

— Возможно, — ответила Алина.

— Перестань говорить «возможно».

— Тогда придётся начать лгать.

На листе оставалась ещё одна строка. Она была слабее остальных, потому что Маша писала её уже почти без нажима:

«Только я этого не помню».

Кирилл закрыл глаза.

Вчера ещё не случилось.

Три удара по трубе.

Письмо с правильной версией.

Программа не вернулась за Машей этой ночью. Она могла идти рядом с ней годами, прятаться в детских провалах памяти, рисунках и семейных шутках.

Антон получил новое сообщение. На этот раз оно пришло не на телефон Кирилла, а на общий адрес «Дома имён».

В письме не было текста. Только фотография вокзальных часов. Стрелки показывали тринадцать. Под часами стояла Маша в красной куртке. Рядом — женщина с забинтованной левой рукой.

Снимок был сделан утром. За стеклянной стеной уже занимался рассвет.

— Это не остров, — сказал Денис.

Алина увеличила отражение в циферблате. На противоположной платформе виднелась табличка с названием станции, но половину букв закрывала фигура.

Оставались только последние четыре:

«...ково».

В стране были десятки таких станций.

Под фотографией стояла подпись:

«У вас не восемь часов. У вас восемь воспоминаний».

И ниже — цифра один.

В ту же секунду Людмила вскрикнула и схватилась за голову.

— Я знаю эту станцию.

— Какую?

Она смотрела на снимок, но видела не платформу.

— Ту, где я отдала Зое ребёнка.

Глава 2. Станция, которой нет

Название пришло к Людмиле не сразу.

Она стояла посреди Машиной комнаты, прижав пальцы к вискам, и смотрела на четыре буквы на фотографии так, словно за ними находилась дверь. За окном серое утро медленно отделяло море от неба. В стекле отражались незаправленная кровать, раскрытый шкаф и взрослые люди, которые старались не смотреть друг на друга.

— Волково, — наконец сказала она. — Станция называлась Волково.

Антон уже вводил название в планшет.

— Таких пять.

— Эта была возле старого кирпичного завода. Дальше начинался лес, а за ним — военный городок.

— Область?

Людмила закрыла глаза.

В памяти шёл дождь. Не сильный, а мелкий и холодный, от которого одежда не промокала сразу, зато через час становилась тяжёлой. На платформе пахло мокрой золой. Вдалеке стояла труба кирпичного завода, красная, с белой полосой возле вершины. Зоя держала свёрток обеими руками, хотя левая уже тогда плохо слушалась.

— Севернее города, — сказала Людмила. — Мы ехали ночным поездом примерно три часа. Потом пересели на электричку.

Антон нашёл станцию в соседней области. Пассажирские поезда перестали там останавливаться двенадцать лет назад, кирпичный завод закрыли ещё раньше. Но старое здание вокзала сохранилось, а на противоположной стороне путей стояли большие часы.

На фотографии за Машей виднелась стеклянная стена современного терминала.

— Это не Волково, — сказал Денис.

— Нет, — согласилась Алина. — Но Зоя хочет, чтобы мы вспомнили Волково.

— Первая память, — произнёс Кирилл. — «У вас восемь воспоминаний». Значит, фотография — вопрос, а ответ — станция из прошлого.

Людмила села на стул. В Машиной комнате всё было лёгким и новым: белые полки, жёлтый плед, гирлянда из бумажных звёзд. На одной дверце шкафа девочка наклеила записку: «Не открывать. Даже если ищите правду». Кирилл сорвал её, распахнул дверцу и увидел обычный подростковый беспорядок — свитера, джинсы, коробку с ракушками. Ни одна вещь не обещала вернуть ребёнка.

— Что произошло на станции? — спросила Лиза.

Людмила подняла на неё глаза.

— Я отдала Зое девочку.

— Какую девочку?

— Не знаю.

— Ты держала ребёнка в руках, везла его в поезде, передала другому человеку — и не знаешь, кто это был?

— Мне сказали, что это её дочь.

— Кто сказал?

— Виктор.

Имя прозвучало как объяснение и как приговор. За последние месяцы они слишком часто доходили до Виктора в конце любой дороги.

— Начни с начала, — попросила Алина. — Не пытайся сразу понять. Просто опиши день.

Людмила посмотрела на свои руки.

— На мне было серое пальто. Оно кололось у шеи, потому что я потеряла шарф. Пуговица на левом рукаве висела на одной нитке. Я помню это лучше, чем лицо ребёнка.

— Вещи иногда безопаснее людей, — сказал Денис. — Поэтому память держится за них. Она кивнула.

Виктор разбудил её до рассвета. В квартире было холодно: батареи едва грели, на кухонном окне лежало свёрнутое полотенце, закрывавшее щель. На столе стояла детская смесь и коричневая бутылочка с лекарством.

— Он сказал, что Зоя после пожара находится в больнице и её ребёнка хотят отправить в дом малютки. Попросил отвезти девочку родственнице.

— Почему сам не поехал?

— У него была срочная операция.

— У Виктора всегда находилась работа, когда требовалось оставить чужие отпечатки, — заметил Кирилл.

— Ребёнок плакал? — спросила Лиза.

Людмила задумалась.

— Нет. Это и было странно. Она почти всё время спала. Я кормила её в поезде, но она выпила совсем немного. На запястье был белый браслет. Имя размазалось, осталась цифра семь.

Лиза провела ладонью по своему запястью.

— Сколько ей было?

— Несколько месяцев. Может, полгода.

— А мне по твоим словам было несколько дней.

— Поэтому я и не думаю, что это ты.

— Но Зоя думает.

Людмила не стала спорить.

На платформе Волково их встретила молодая женщина в синем берете. Зоя была худой, почти прозрачной после больницы. Левая кисть забинтована, кожа на щеке розовая от недавнего ожога. Но прежде всего Людмила запомнила её глаза: не счастливые, не благодарные — испуганные.

— Она спросила: «Почему девочка такая большая?» Я ответила, что дети быстро растут. Тогда Зоя сказала, что видела дочь три дня назад.

— И ты всё равно отдала ей ребёнка?

— Я решила, она путает время из-за лекарств.

— Удобная болезнь, — сказал Кирилл. — Позволяет не слушать человека.

Людмила приняла удар без возражений.

— Зоя развернула одеяло. На ноге у девочки было родимое пятно — маленькое, похожее на половину сердца. Зоя сказала, что у её дочери такого нет.

Лиза машинально посмотрела на свою правую ногу. Пятна у неё не было.

— Что было потом?

— Подошёл мужчина. Я его не знала. Он представился сотрудником опеки и показал удостоверение. Сказал, что документы проверены. Зоя всё равно не хотела брать ребёнка. Тогда мужчина наклонился к ней и произнёс: «Второй раз дочь вам не вернут».

— Второй раз? — переспросила Алина.

— Я решила, что речь о предыдущем отказе.

— Ты слишком часто решала за других, о чём идёт речь, — сказал Кирилл.

— Да.

В комнате стало тихо. Людмила больше не защищалась. От этого её признания звучали тяжелее.

— Зоя взяла девочку, — продолжила она. — Не прижала к себе. Просто держала перед собой и рассматривала. Потом спросила меня: «Если это не моя дочь, чья она?» Я не ответила. Мужчина повёл их к машине. А мне передал конверт для Виктора.

— Что было внутри?

— Деньги и фотография младенца. На обороте Виктор позже написал: «Замена произведена».

Кирилл отвернулся к окну.

— Ты видела эту надпись?

— Да.

— И ничего не сделала?

— Сделала. Спросила Виктора.

— И поверила ответу.

— Нет. В тот вечер я ушла от него.

Все посмотрели на неё.

— Ты никогда об этом не рассказывала, — сказала Алина.

— Потому что на следующий день вернулась. Кирилл заболел, температура поднялась почти до сорока. Виктор позвонил и сказал, что только он знает, какое лекарство дать. Я вернулась ради сына, а потом убедила себя, что конверт означал законное усыновление.

Кирилл долго молчал.

— Ради меня или потому, что боялась остаться одна?

— И то и другое. Если скажу только про тебя, это снова будет красивая ложь.

Антон получил ответ из архивной службы. Станция Волково действительно существовала. Рядом с ней в восьмидесятые годы работал распределительный пункт для детей, которых переводили между лечебными учреждениями. В документах он назывался складом медицинского оборудования.

— Едем туда, — сказал Кирилл.

— Группа уже направлена, — ответил Антон. — Вы останетесь здесь.

— Там была моя мать, возможно, моя жена и ребёнок, которого подменили. А сейчас исчезла моя дочь. Не предлагай мне ждать.

— Я предлагаю не повторять маршрут, приготовленный Зоей.

— Тогда зачем она дала нам фотографию?

— Чтобы вы уехали из «Дома имён».

Алина подошла к окну. Во дворе сотрудники проверяли машины и хозяйственные постройки. За домом тянулась мокрая дорожка к маяку. Море после ночного ветра было тёмным, с белыми рваными краями волн. На горизонте шёл грузовой корабль, такой маленький, что казался неподвижной чёрточкой.

— Она хочет не вывести нас отсюда, — сказала Алина. — Она хочет разделить. Кирилл поедет на станцию. Лиза останется ждать Машу. Людмила будет вспоминать. Денис проверять архив. Я попытаюсь удержать всех вместе. Именно так мы поступаем всегда.

— И что предлагаешь?

— Поехать всем.

Антон покачал головой.

— Это не семейная экскурсия.

— Зоя обращается к семье. Если разделимся, каждый получит свою версию. Вместе хотя бы услышим одно и то же.

Решение приняли через десять минут. Антон выделил микроавтобус и четверых сотрудников. Дом оставили под охраной. Лиза взяла Машину красную куртку — ту самую, в которой девочка была на фотографии, — и долго держала её перед собой.

— Значит, снимок старый, — сказала она.

— Почему? — спросил Кирилл.

— Потому что куртка здесь.

Эксперт осмотрел вещь. На правом рукаве обнаружилась свежая тонкая царапина, а во внутреннем кармане — билет на пригородный поезд, отправившийся вчера вечером.

— Она вернулась и оставила куртку? — спросил Денис.

— Или у неё две одинаковые, — сказала Лиза. — Осенью я купила вторую на размер больше. Маша сказала, что следующей зимой не хочет выглядеть как почтовый ящик, и спрятала её.

В шкафу второй куртки не оказалось.

Теперь фотография могла быть сделана утром.

Они выехали, когда солнце поднялось над морем. Дорога шла вдоль побережья, затем свернула в сосновый лес. В микроавтобусе пахло влажной одеждой, кофе из бумажных стаканов и пластиком новой обивки. Людмила сидела у окна. Каждая станция, каждый мост заставляли её выпрямляться, но узнавания не происходило.

Лиза держала на коленях Машин рюкзак.

— Когда она была маленькой, я складывала туда запасные носки, воду, салфетки, игрушку, пластырь и печенье, — сказала она. — Кирилл смеялся, что мы уезжаем в экспедицию. А теперь в рюкзаке наушники и одна засохшая ручка. В какой момент ребёнок становится настолько большим, что ты перестаёшь проверять, всё ли у него есть?

— Никогда, — ответила Людмила. — Ты просто начинаешь проверять тайком.

— Это не утешает.

— Я и не умею утешать. Только предупреждать слишком поздно.

Через три часа показалась заводская труба. Она оказалась ниже, чем в воспоминании Людмилы, и наклонилась набок. За деревьями тянулись чёрные остовы цехов. Станция Волково состояла из пустого кирпичного здания, двух платформ и часов, остановившихся на трёх семнадцати.

Кирилл вышел первым.

Воздух пах мокрым железом и прошлогодней травой. Между шпалами росли молодые берёзки. На стене вокзала сохранились бледные прямоугольники от снятых расписаний, а над кассовым окном кто-то недавно провёл пальцем по пыли.

— Здесь были, — сказал Антон.

Следы вели в зал ожидания. Внутри стояли четыре деревянные скамьи, печь с проржавевшей дверцей и детская коляска. Старая, тёмно-синяя, с высоким коробом. На ручке висел белый браслет с цифрой семь.

Людмила остановилась на пороге.

— Такая же коляска была у мужчины из опеки.

В коляске лежал конверт. На нём было написано имя Лизы.

— Не открывай, — сказал Кирилл.

Лиза посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что этого от нас хотят.

— А чего хочешь ты?

Три месяца назад он ответил бы: защитить тебя. Теперь понимал, что иногда защита была только более красивым названием контроля.

— Чтобы ты сама решила.

Лиза вскрыла конверт.

Внутри лежала фотография молодой Зои с девочкой лет четырёх. Ребёнок стоял спиной, но на ноге было видно родимое пятно — половина сердца.

На обороте значилось:

«Первую дочь вернули. Вторую оставили себе».

Рядом лежал маленький ключ и адрес дома в Волково.

В этот момент на старых часах дрогнула минутная стрелка. Механизм, не работавший много лет, сделал один шаг.

Из динамика под потолком раздался Машин голос:

— Мама, пожалуйста, не ищи во мне ту девочку.

Лиза бросилась к заколоченной двери служебного помещения. Кирилл успел перехватить её, прежде чем она ударилась плечом о доски.

— Маша!

Запись продолжилась:

— Воспоминание первое. Бабушка отдала ребёнка, но Зоя его не забрала.

Динамик щёлкнул.

Снаружи послышался стук колёс. По пути, который много лет считался заброшенным, приближался поезд.

Антон выбежал на платформу и замер.

Это был один вагон без номера. Он двигался медленно и совершенно бесшумно.

В окне стояла Маша.

Девочка не стучала и не звала. Она смотрела прямо на Кирилла с тем выражением, которое появлялось у неё перед признанием: упрямо поднятый подбородок, сведённые брови, губы, сжатые в тонкую линию. На стекле возле её лица был нарисован круг, перечёркнутый пополам.

Кирилл бросился вдоль платформы. Под подошвами хрустел мелкий щебень, ветер бил в лицо запахом ржавчины. Вагон шёл всего в нескольких шагах, однако расстояние не сокращалось, будто путь растягивался вместе с его бегом.

— Маша!

Девочка подняла ладонь.

Лиза выбежала следом и остановилась. Она не позвала дочь. Вглядывалась в руку за стеклом, замечая то, чего Кирилл не мог увидеть на бегу.

Последнее окно поглотила тень деревьев. Вместе с вагоном исчез и звук колёс. На платформе остался лишь Кирилл, согнувшийся и упершийся руками в колени.

На мгновение ему показалось, что в кармане звонит телефон. Он выхватил аппарат, но экран был тёмным. Это память заставила ладонь почувствовать вибрацию — такую же, как в день рождения Маши, когда ему сообщили, что Лиза родила.

Тогда он тоже бежал по длинному коридору и боялся опоздать.

Только в тот раз за дверью его ждал ребёнок.

Глава 3. Девочка в окне

Поезд прошёл мимо станции, не замедляя хода.

Кирилл успел увидеть Машино лицо, ладонь на стекле и красную куртку. Потом окно сменилось глухой металлической стеной, за ним другое, пустое, и вагон исчез за поворотом.

— За ним! — крикнул Кирилл.

Антон уже говорил по рации. Один автомобиль рванул к переезду, второй остался у вокзала. Денис поднял с платформы камень и швырнул в сторону последнего окна, будто мог остановить вагон обычной тяжестью.

Лиза не двигалась.

— Это была не она, — сказала она.

— Я видел Машу.

— Ты видел девочку за стеклом.

— Это была наша дочь.

— Она не прижала бы ладонь вот так.

Лиза показала — пальцы вместе, большой отведён в сторону.

— Маша всегда растопыривает пальцы. В детстве боялась, что иначе рука останется по ту сторону стекла. Глупость, конечно, но она до сих пор так делает.

Кирилл попытался восстановить увиденное. Красная куртка. Тёмные волосы. Бледное лицо. Ладонь. Он был уверен, потому что хотел быть уверенным.

— Манекен? — спросил Денис.

— Или другая девочка, — ответила Алина.

Антон вернулся с путей.

— Никакого поезда не было.

Кирилл указал на рельсы.

— Мы все его видели.

— Камеры на переезде показывают пустой путь. Диспетчер подтверждает: ветка разобрана в четырёх километрах отсюда.

Они подошли к краю платформы. Рельсы заржавели, между ними рос мох. Ни вибрации, ни запаха масла, ни следа недавно прошедших колёс.

Денис прыгнул вниз и коснулся металла.

— Холодный.

— Проекция, — сказал эксперт. — На противоположной стороне установлены экраны. Динамики дали звук, низкочастотные излучатели — вибрацию.

В кустах нашли три плоских проектора и аккумуляторы. Аппаратура была современной, дорогой и настроенной заранее.

— Мы видели то, что нам показали, — тихо сказала Алина.

— Снова, — добавил Кирилл.

Лиза смотрела на пустые рельсы. Её лицо стало таким же неподвижным, как у девочки в окне.

— Но голос был Машин.

Эксперт снял динамик и передал запись на анализ. Она состояла из слов, собранных из разных разговоров. Интонации совпадали не везде: «мама» Маша произнесла когда-то весело, «пожалуйста» — сердито, «девочку» — шёпотом.

— У них много её записей, — сказал Антон.

— Откуда?

— Телефон, домашние камеры, видео из семейного архива.

— Или она сама записывала, — предположил Денис.

Лиза повернулась к нему.

— Ты можешь хоть раз не говорить худшее первым?

— Могу. Но худшее от этого не перестанет существовать.

Дом по адресу из конверта находился за бывшим заводом. Они могли дожидаться сапёров, но тогда потеряли бы ещё час. Антон отправил вперёд двух сотрудников, а остальным приказал оставаться на станции.

Кирилл подошёл к часам. Большая стрелка снова замерла. Под циферблатом висел деревянный ящик с маятником, запёртый тем же маленьким замком, к которому подходил найденный ключ.

— Адрес может быть отвлечением, — сказал он. — Ключ не от дома.

Лиза вставила его в замок.

Внутри, вместо механизма, лежала детская варёжка. Красная, с вышитой белой птицей. Лиза узнала её сразу.

— Я связала Маше пару, когда ей было четыре.

— Вторая потерялась в торговом центре? — спросила Алина.

— Да.

В варежке оказался клочок бумаги:

«Воспоминание второе хранится там, где Лиза впервые назвала чужую женщину мамой».

Лиза перечитала дважды.

— Я не помню своего первого слова.

— Речь не о первом слове, — сказала Людмила. — О женщине, которая тебя воспитывала.

— Марине.

После экспертизы они знали: Марина была биологической матерью Лизы. Но в последние месяцы она несколько раз меняла рассказ. Сначала утверждала, что родила дома, затем назвала роддом, где в указанный день не было ни одной роженицы с её фамилией. Объясняла ошибки страхом и давностью событий.

— Она живёт в трёх часах отсюда, — сказал Кирилл.

— Жила, — поправила Лиза. — Вчера написала, что переезжает.

— Куда?

— Я не спросила.

Лиза достала телефон. Последнее сообщение Марины пришло накануне в половине десятого: «Если когда-нибудь захочешь узнать о своём первом доме, ключ под синим горшком».

— Ты удалила его? — спросил Кирилл.

— Нет. На этот раз нет.

Несмотря на страх, между ними на секунду возникло прежнее соглашение: говорить правду до того, как она станет уликой.

Марина жила в небольшом приморском городе. Её дом стоял на улице, спускавшейся к порту. Пока они ехали, погода изменилась. Тучи разошлись, мокрые поля блестели под солнцем. У придорожных домов цвели старые яблони, ещё почти голые, но уже окружённые белым светом бутонов.

Людмила сидела рядом с Лизой.

— Ты не обязана считать Зою матерью, даже если она тебя родила.

— А Марину обязана?

— Никого не обязана.

— Ты легко говоришь об этом после того, как всю жизнь решала, кто кому ребёнок.

— Поэтому и говорю. Я знаю цену слова «обязана».

Лиза отвернулась к окну. На ней был светлый свитер, слишком тонкий для холодного дня. Она несколько раз натягивала рукава на ладони — привычка, которую Кирилл замечал, когда жена хотела спрятать дрожь.

— Я помню нашу первую квартиру, — сказала она. — Жёлтые обои с мелкими ромашками. Красный холодильник. На кухне линолеум был прожжён возле батареи. Марина шила дома, и везде лежали нитки. Я называла её мамой. Не потому, что проверила документы. Просто она приходила ночью, когда мне снились кошмары.

— Этого достаточно, — сказал Кирилл.

— Для чего?

— Чтобы она была твоей матерью в той квартире.

— А сейчас?

— Сейчас решать тебе.

Дом Марины оказался старым двухэтажным зданием с балконами, оплетёнными виноградом. Штукатурка отслаивалась, но окна были вымыты, а на ступенях стояли горшки с геранью. Один — синий.

Под ним лежал ключ.

Дверь открылась без скрипа. В прихожей пахло лавандой, пылью и чем-то сладким — будто хозяйка недавно пекла пирог. На вешалке висел плащ, под ним стояли женские туфли. Марина собиралась вернуться или хотела создать такое впечатление.

— Не трогайте ничего, — напомнил Антон.

Лиза прошла на кухню.

Здесь не было жёлтых обоев и красного холодильника. Белые стены, современная мебель, узкий стол у окна. Но на столе стояла старая жестяная коробка из-под печенья. В детстве Марина хранила в ней пуговицы.

— Она всё-таки оставила, — прошептала Лиза.

Внутри лежали катушки ниток, напёрсток, сломанная брошь и восемь фотографий. На первой Марина держала новорождённую Лизу. На второй девочке было около года. На третьей она сидела на полу той самой квартиры с ромашками на обоях.

Остальные пять снимков Лиза никогда не видела.

На них рядом с Мариной стояла Зоя.

Сначала молодая, с забинтованной рукой. Затем старше. На последней фотографии, сделанной девять лет назад, Зоя держала Машину красную варежку.

— Они знали друг друга, — сказал Кирилл.

— Нет, — ответила Лиза. — Марина говорила, что никогда её не видела.

Под фотографиями лежала записка:

«Лиза, если ты читаешь это, Зоя решила забрать не дочь, а доказательство. Не верь ни одной из нас. Найди квартиру с ромашками».

— Где находилась ваша первая квартира? — спросил Антон.

Лиза назвала адрес. Дом снесли пятнадцать лет назад. На его месте построили торговый центр.

Тот самый, где четырёхлетняя Маша исчезла на два часа.

На втором этаже хлопнула дверь.

Кирилл и Антон одновременно подняли головы. Сотрудники двинулись по лестнице. Лиза осталась на кухне, сжимая фотографию так сильно, что угол впился в ладонь.

Наверху нашли открытую спальню. Окно выходило на крышу соседней пристройки. Занавеска колыхалась, хотя ветра почти не было.

На кровати лежало платье Марины, аккуратно расправленное, словно вместо женщины оставили её форму. На подушке — парик и фотография лица.

— Она меняла внешность, — сказал Денис.

В шкафу висели ещё три парика, очки без диоптрий и одежда разных размеров. На внутренней стороне дверцы были прикреплены снимки Людмилы, Алины, Лизы и Зои. Под каждым — список жестов, любимых слов и особенностей походки.

— Подставная Людмила на маяке, — сказала Алина. — Это была Марина.

Лиза покачала головой.

— Нет. Я бы узнала её голос.

— Если она всю жизнь училась быть кем-то другим, возможно, ты никогда не слышала её настоящего.

В нижнем ящике обнаружили паспорт Марины, билеты и банковские карты. Она не собиралась бежать под своим именем.

Телефон зазвонил на кухне.

Старый аппарат с диском стоял на подоконнике и не был подключён к розетке. Тем не менее звонок повторился.

Лиза сняла трубку.

— Мама?

Слово вырвалось раньше мысли.

На другом конце ответила Маша:

— Вот здесь ты впервые назвала её мамой.

— Маша, где ты?

— Я не знаю, можно ли вам сказать.

— Кто рядом с тобой?

— Женщина, которая думает, что ты её дочь.

Лиза прижала трубку к уху.

— Зоя?

— Она говорит, что её зовут Марина.

Связь оборвалась.

Лиза медленно повернулась к остальным.

На стене над столом начала отслаиваться белая краска. Под ней проступили старые жёлтые обои с мелкими ромашками.

Эта квартира и была первым домом Лизы.

Просто кто-то построил новые стены поверх старых.

Лиза прошла по комнатам ещё раз, теперь медленно. В узкой гостиной она остановилась возле окна и вспомнила, как зимой на стекле появлялись ледяные цветы. Марина нагревала монету над плитой и прижимала к морозному узору — получался круг, через который можно было смотреть во двор. Они по очереди заглядывали в него и придумывали истории о прохожих.

— Здесь стояло пианино соседки, — сказала Лиза. — Его оставили нам на хранение. Играть никто не умел, но Марина по воскресеньям нажимала одну клавишу и говорила, что дом должен слышать свой голос.

В новой гостиной пианино не было. На его месте стоял книжный шкаф. Денис отодвинул его и нашёл в стене круглую вмятину от колёсика.

— Воспоминания совпадают с комнатой, — сказал он.

— Не говори так, будто проводишь экспертизу моей жизни.

— Прости.

Лиза коснулась обоев. Они были дешёвыми, бумажными, местами пузырьками отходили от стены. Но ни одна дорогая вещь в её нынешнем доме не казалась сейчас такой настоящей.

— Если Марина украла чужую жизнь, — спросила она, — всё хорошее тоже становится украденным?

Кирилл ответил не сразу.

— Нет. Завтрак, который она тебе готовила, был настоящим. И ледяные цветы. Ложь может объяснить, почему человек оказался рядом. Но не отменяет каждый день, когда он оставался.

— Ты говоришь это мне или себе?

— Обоим.

Внизу хлопнула дверь, и по лестнице снова прошёл сквозняк. Кружевная занавеска поднялась, открыв на подоконнике тонкую полосу пыли. В ней кто-то недавно написал пальцем букву «М».

Она могла означать Машу, Марину, мать или Михаила.

В этой квартире даже одна буква имела слишком много биографий.

Глава 4. Обои с ромашками

Под белой краской сохранился целый кусок прошлого.

Лиза поддела край ногтем, и новый слой отломился тонкой пластиной. Под ним были ромашки: неровные белые цветы с жёлтыми сердцевинами, соединённые зелёными стеблями.

В детстве она считала их перед сном. Если доходила до сорока, не сбившись, мама обязательно возвращалась домой.

— Не трогай, — предупредил эксперт.

Лиза убрала руку.

— Я помню царапину под окном. Я сделала её ножницами и сказала, что это кошка.

Денис направил фонарь вдоль стены. Под краской проступала вертикальная вмятина.

— Здесь?

— Да.

Она подошла к углу кухни. Пространство было другим: стену перенесли, окно сузили, дверь в коридор заложили. Но тело узнавало расстояния точнее глаз. Лиза сделала три шага к тому месту, где когда-то стоял красный холодильник, протянула руку и коснулась пустой стены.

— Тут висел календарь. Марина отмечала дни, когда приходил врач.

— Какой врач? — спросил Антон.

— Не помню лица. Только запах. От него пахло мятой и сигаретами.

Людмила и Денис одновременно посмотрели друг на друга.

— Ратников, — сказали они.

Лиза закрыла глаза. Воспоминание не вернулось картинкой. Сначала возник звук — щелчок металлического портсигара. Потом голос: «Сегодня девочка будет называть вас мамой». И Маринин ответ: «Она и так называет».

— Мне здесь меняли память? — спросила Лиза.

— Возможно, проверяли результат, — сказал Денис.

— Какой результат?

Людмила отодвинула стул и нашла под линолеумом край старого покрытия — коричневого, с тёмными квадратами.

— Такие квартиры использовали после санатория. Детей нельзя было сразу отдавать в обычные семьи. Их помещали к подготовленным женщинам и наблюдали, какие воспоминания сохраняются.

— Марина была подготовленной женщиной?

— Или такой же жертвой.

Лиза усмехнулась.

— В нашей семье это удобное слово. Жертва. Оно всё объясняет и ничего не отменяет.

Антон приказал вскрыть стену, за которой раньше находилась дверь. За двумя слоями кирпича обнаружили узкую кладовую. Воздух внутри был сухим, пах старой бумагой и мышами. На полках стояли банки с выцветшими этикетками, детские книги и коробки из-под обуви.

В первой лежала одежда Лизы: голубое платье с кружевным воротником, шерстяные колготки, маленькие сандалии. Марина сохранила даже сломанный ремешок.

Лиза подняла платье. Ткань стала жёсткой, кружево пожелтело. На подоле темнело круглое пятно.

— Варенье, — сказала она. — Смородиновое. Мама ругалась, потому что платье было чужим.

— Чьим?

— Не знаю. Она сказала: «Нам его дали только на фотографию».

Во второй коробке оказались медицинские карты детей. Имена зачёркнуты, вместо них — номера. Семь, семнадцать, триста семнадцать. В карте с цифрой семь возраст ребёнка менялся трижды. Сначала шесть месяцев, потом три дня, затем один год.

— Так не бывает, — сказала Лиза.

— Бывает, если карта принадлежала нескольким детям, — ответила Алина.

На последней странице стояла подпись Марины и запись Ратникова: «Материнская фиксация сформирована. Объект реагирует на голос. Замена биографической привязанности завершена».

Лиза опустила на пол, всё ещё держа платье.

— Я любила её потому, что меня научили?

Кирилл сел рядом.

— Ты любила её, потому что жила с ней.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Но если лекарствами можно было бы создать любовь, Виктор заставил бы всех любить себя.

Эта мысль оказалась простой и поэтому убедительной. Лиза прижала платье к груди, но не заплакала.

В третьей коробке нашли кассеты. На каждой дата и одно слово: «мама», «дом», «пожар», «окно». Последняя называлась «Маша» и была записана девять лет назад.

В спальне сохранился старый кассетный магнитофон. Пластик пожелтел, кнопка воспроизведения западала. Денис очистил головку, несколько раз прокрутил ленту и нажал.

Сначала зашипел шум. Потом заговорила четырёхлетняя Маша.

«Тётя сказала, что мама не настоящая».

Голос взрослой женщины спросил:

«А кто настоящая?»

«Та, которая помнит меня до рождения».

«Как её зовут?»

«Не скажу».

«Почему?»

«Она пока не родилась».

Запись прервалась тремя ударами.

Лиза закрыла рот ладонью.

— В тот день в торговом центре она вернулась и всю ночь говорила о женщине без возраста. Я решила, что это выдуманная подруга.

На ленте снова появился голос. Теперь говорила Марина:

«Зоя, оставь девочку. Она не имеет отношения к нам».

Другая женщина ответила:

«Каждый ребёнок имеет отношение к тому, что мы сделали».

— Это голос Зои? — спросил Антон.

Людмила попросила повторить.

— Похож. Но она говорит слишком отчётливо. После ожога у Зои была повреждена гортань, к вечеру голос становился хриплым.

Запись сделали в половине десятого вечера. Женщина не хрипела.

— Марина могла играть Зою, — сказала Алина. — В шкафу нашли материалы для подражания.

— Тогда кто играл Марину? — спросил Денис.

На кассете разговаривали две женщины одновременно.

Эксперты начали сравнение голосов. Кирилл вышел на балкон. С него было видно море между крышами: узкая синяя полоса, портовые краны и чайки, кружащие над рыбным рынком. Внизу женщина поливала герань, мальчик катил велосипед по тротуару. Обычный день продолжался в нескольких метрах от квартиры, где чужие люди переписывали детство.

Алина вышла следом.

— Ты опять собираешься уйти один?

— Просто дышу.

— У тебя лицо человека, который уже выбрал дверь.

Кирилл опёрся ладонями о холодные перила.

— Я должен искать Машу, а вместо этого считаю ромашки на старых обоях.

— Именно этого она просит. Найти не место, а воспоминания.

— А если пока мы послушно решаем загадки, её увозят дальше?

— Тогда Зоя не стала бы тратить годы, чтобы привести нас сюда. Ей что-то нужно от семьи.

— Лиза.

— Возможно.

— Если Зоя считает Лизу дочерью, почему забрала Машу?

— Потому что взрослую дочь нельзя заставить прийти. За ребёнком она придёт сама.

Кирилл посмотрел через стеклянную дверь на Лизу. Она сидела на полу среди коробок, а Людмила осторожно расправляла рядом голубое платье. Две женщины, которых всю жизнь назначали матерями и дочерьми, впервые не пытались определить друг друга.

— Я не позволю Лизе обменять себя на Машу.

— А она не позволит тебе решать за неё.

— Значит, поспоримся.

— Значит, впервые поспоритесь честно.

Эксперт позвал их. Женский голос, названный голосом Зои, оказался синтезированным из старых записей. Второй принадлежал Марине.

— Марина разговаривала с записью, — сказал Антон. — Или отвечала человеку по громкой связи.

На кассете после паузы нашёлся ещё один фрагмент:

«Если девочка вспомнит письмо, начинайте второй цикл».

Говорил мужчина. Голос был искажён, но Кирилл узнал интонацию Виктора.

— Значит, программа следила за Машей с четырёх лет, — сказала Лиза.

— Или использовала её как проверку, — ответил Денис. — Ребёнку показали письмо и затем стёрли воспоминание. Если оно вернётся само, метод коррекции не работает.

— Какое письмо?

В коробке с кассетами обнаружили пустой конверт. На нём детской рукой было написано: «Бабушке Людмиле после её смерти».

Первое письмо первой книги пришло именно в таком конверте.

— Маша действительно его написала, — сказал Кирилл.

— Адресовала, — поправила Алина. — Текст мог дать кто-то другой.

На внутренней стороне клапана сохранились следы воска и волокна красной шерсти — той же, из которой Лиза связала варежки.

— Она спрятала письмо в варежку, — поняла Лиза. — В торговом центре Зоя попросила её написать адрес и убрать конверт. Потом варежка осталась у них.

— А через девять лет письмо отправили, — сказал Денис. — Почему именно тогда?

Ответ нашёлся в последней коробке. Там лежали школьные фотографии Маши, распечатки её сообщений и таблица наблюдений. Напротив даты отправки первого письма было написано: «Объект 318 самостоятельно задал вопрос о происхождении отца».

Кирилл вспомнил тот вечер. Маша готовила семейное древо для школы и спросила, почему о его детстве нет фотографий. Он отшутился, Лиза сменила тему. На следующий день пришёл конверт.

— Они ждали вопроса, — сказал он.

— Не просто ждали, — ответила Алина. — Проверяли, сможет ли один детский вопрос разрушить систему лжи.

Лиза поднялась.

— Кто вёл таблицу?

Внизу каждой страницы стояли инициалы «М. В.».

Марина Владимировна. Так звали женщину, вырастившую Лизу.

Но теми же инициалами подписывался Михаил Викторович — настоящий сын Виктора, которого считали умершим.

На лестнице слышались шаги. Медленные, тяжёлые, без попытки скрыться.

Сотрудники подняли оружие.

В дверях кухни появилась Марина. На ней было тёмное пальто, волосы спрятаны под платком. Без привычной помады и больших очков она казалась старше и меньше ростом.

— Опустите, — сказала она, глядя на оружие. — Я пришла сама.

Лиза сделала шаг к ней.

— Где Маша?

— С женщиной, которая называет себя Зоей.

— Это не Зоя?

— Настоящая Зоя умерла двадцать шесть лет назад.

Людмила побледнела.

— Я видела её позже.

— Вы видели меня.

Марина сняла платок. На левой щеке проступал старый ожог, умело скрытый косметикой. Она вытянула руку. Два пальца не сгибались.

— Меня зовут не Марина, — сказала она. — Я Зоя Ратникова.

Лиза стояла напротив женщины, которую всю жизнь называла матерью.

— Тогда кто такая Марина?

Зоя посмотрела на фотографию в её руках.

— Девочка из палаты семь.

На кухонных часах щёлкнула секундная стрелка. Лиза вдруг вспомнила другие часы — круглые, зелёные, с нарисованным петухом. В детстве они висели над дверью и спешили на семь минут. Марина никогда их не исправляла: говорила, что женщине полезно иметь небольшой запас времени.

— Если ты была моей матерью первые семь лет, — спросила Лиза, — какого цвета были часы на кухне?

Зоя ответила не задумываясь:

— Зелёные. Петух потерял красный хвост, когда ты бросила в него мяч.

— Что я ела, когда болела?

— Хлеб, размоченный в сладком чае. От всего остального тебя тошнило.

— Как звали мою куклу?

— Сначала Катя. Потом ты решила, что она мальчик, и назвала Костей. Марина не могла привыкнуть и продолжала говорить «она».

Лиза задала ещё несколько вопросов. На все Зоя ответила. Знала про шрам под коленом, про страх перед большими собаками, про спрятанную за батареей открытку. Воспоминания становились доказательствами, но ни одно не приносило облегчения.

— Почему ты ушла? — наконец спросила Лиза.

— Потому что нашла список детей. Думала, вернусь через месяц.

— А вернулась через тринадцать лет.

— Первые годы мне не позволяли приблизиться. Потом я увидела, что ты называешь Марину мамой, и испугалась разрушить тебя.

— Не превращай трусость в заботу.

Зоя опустила глаза.

— Хорошо. Я испугалась, что ты выберешь её.

Это признание Лиза приняла легче предыдущих объяснений. В нём не было жертвенности — только человеческая слабость.

Глава 5. Две матери

Зоя попросила снять с неё пальто.

Не потому, что в квартире было тепло. Она хотела показать, что под одеждой нет оружия. Антон сам проверил карманы: ключи, пачка мятных леденцов, сложенный носовой платок и дешёвый телефон без сим-карты.

Пальто повесили в прихожей рядом с плащом Марины. Две вещи соприкоснулись рукавами, словно их хозяйки по-прежнему жили в одном доме.

— Садитесь, — сказал Антон.

— Я долго сидела там, куда меня сажали мужчины с удостоверениями.

— Тогда стойте.

Зоя улыбнулась. Улыбка была Мариной — чуть виноватой, мягкой. Лиза отшатнулась.

— Не делай так.

— Как?

— Не улыбайся моей мамой.

Зоя сразу стала серьёзной.

На кухне не хватало места для всех. Они перешли в гостиную. Свет падал через кружевные занавески и разбивал лица на мелкие узоры. На полке стояли фарфоровые фигурки — собака, балерина, девочка с корзиной. Лиза помнила каждую. Только теперь понимала, что вещи путешествовали вместе с женщинами из квартиры в квартиру, создавая иллюзию одной непрерывной жизни.

— Где Маша? — снова спросила она.

— Я не знаю точного адреса.

Кирилл двинулся к Зое, но Денис удержал его.

— Вы похитили ребёнка.

— Нет. Я пришла забрать её, но она уже ушла.

— С кем?

— С Мариной.

— Ты только что сказала, что Марина — девочка из палаты семь.

— Так и есть.

Зоя посмотрела на Лизу.

— Женщина, которая родила тебя, называлась Мариной. Но ты не её дочь.

— Экспертиза подтвердила родство.

— Экспертиза подтвердила, что образцы принадлежат матери и дочери. Никто не доказал, что один из них взяли у тебя.

Антон возразил:

— Забор проводили при свидетелях.

— Кровь взяли у Лизы. Но в лабораторию поступила другая пробирка. Вы нашли подмену в первой серии анализов и решили, что после ареста Ратникова всё стало чистым. В программе всегда было два уровня подмены. Первый должны были обнаружить.

Денис тихо выругался.

— Ложное разоблачение укрепляет доверие ко второму результату.

— Именно.

— Откуда вы знаете?

— Я готовила контейнеры.

Лиза подошла к окну. Во дворе цвела груша. Белые лепестки падали на капот полицейской машины и таяли на мокром металле. Когда-то Зоя ставила её на табурет и показывала, как из цветка получается плод. Или это делала Марина. Воспоминания не различали женщин.

— Кто меня вырастил? — спросила она.

— Первые семь лет — я. Потом Марина.

— Я не заметила, что мать стала другим человеком?

— Дети замечают всё. Просто взрослые дают переменам безопасные названия. Больница. Усталость. Новая причёска. После операции Марина носила повязки почти месяц. Ты не видела её лица.

— Зачем вы поменялись?

— Чтобы одна из нас могла исчезнуть и искать детей.

Людмила сидела в кресле, выпрямив спину. На её тёмном платье лежала полоска солнечного света, и руки в ней казались почти прозрачными.

— Каких детей?

— Всех, кого перевозили через Волково.

Зоя рассказала, что работала медсестрой в санатории. После пожара Ратников объявил её погибшей и предложил выбор: новое имя или обвинение в смерти детей. Ей дали документы Марины — молодой женщины, отказавшейся участвовать в программе.

— Настоящую Марину держали в палате семь, — сказала Зоя. — Не как пациентку. Как мать, у которой забрали ребёнка. Ей давали препараты, убеждали, что дочь умерла. Потом показали девочку постарше и сказали: если согласится работать, сможет растить её.

— Меня?

— Нет. Другую Лизу.

— Сколько их было?

— Имя использовали для трёх девочек. Оно не привлекало внимания и подходило для документов разных лет.

Лиза рассмеялась. Смех получился коротким, почти детским.

— Значит, я даже не уникальная ошибка.

— Ты не ошибка.

— Не говори со мной материнским голосом.

— Другого у меня для тебя нет.

Кирилл встал рядом с женой, но не коснулся. Ждал. Лиза сама взяла его за руку.

— Кто мои родители?

— Я не знаю отца. Мать звали Вера. Она была сестрой Марины.

Имя Веры уже встречалось в первой папке Людмилы — женщина, погибшая при пожаре и считавшаяся матерью Алины.

Алина медленно поднялась.

— Моя Вера?

— Возможно.

— Хватит этого слова.

— Тогда скажу точнее. У Марины была сестра Вера. Она родила девочку и передала её в санаторий, потому что скрывалась от Виктора. Через год Вера погибла. Я не знаю, была ли она той женщиной, которую ты считала своей матерью. В программе одинаковые имена использовали так же часто, как одинаковые халаты.

Семейное древо, которое они с таким трудом восстановили, снова распалось на отдельные ветви.

— Зачем Марина забрала Машу? — спросил Кирилл.

— Она хочет обменять её на архив.

— Какой архив?

— Не тот, что нашли вы. Оригинальные журналы программы хранятся у Михаила.

— Сына Виктора?

— Он называет себя Михаилом, Павлом, Андреем — в зависимости от того, чью жизнь продолжает. Настоящего имени, возможно, уже не помнит.

— Где он?

— В доме с синими ставнями.

— Очень точный адрес.

— Я была там ребёнком. Дом стоял возле солёного озера. Зимой вода не замерзала, а камыши становились белыми от соли. Во дворе росла шелковица.

Людмила закрыла глаза.

— Белое озеро.

— Ты знаешь?

— Виктор возил меня туда после рождения Кирилла. Говорил, что это восстановительный пансионат.

В её памяти возник длинный одноэтажный дом, выкрашенный в бледно-жёлтый цвет. Синие ставни всегда были закрыты, даже днём. В коридоре пахло сушёными яблоками и лекарствами. По ночам за стеной плакал ребёнок, но утром Виктор уверял, что в доме нет детей.

— Я видела там мальчика, — сказала Людмила. — Он стоял возле шелковицы и ел ягоды прямо с ветки. Пальцы и губы были фиолетовыми. Виктор назвал его Андреем.

— Это был Михаил, — ответила Зоя. — Наследник.

— Почему «наследник»?

— Потому что программа создавалась для него.

Зоя объяснила: сын Виктора стал свидетелем смерти матери. Чтобы избавить мальчика от воспоминания, Ратников разработал первые процедуры коррекции. Но память возвращалась. Тогда Виктор решил, что проблема не в методе, а в отсутствии других детей для сравнения. Если трое вспоминали событие по-разному, версия сына переставала быть единственной.

— Программа 317 начиналась не с государства и не с тайной службы, — сказала Зоя. — С отца, который хотел, чтобы сын забыл его преступление.

— Виктор убил первую жену? — спросил Кирилл.

— Михаил так утверждал. Потом говорил, что её убила Людмила. Потом — Ратников. У него осталось восемь версий. Именно поэтому вам назначили восемь воспоминаний.

Алина посмотрела на часы.

— Что произойдёт в тринадцать?

— Михаил выберет девятую версию. Ту, которую Маша напишет сама.

Лиза сжала руку Кирилла.

— Почему она?

— Потому что Маша — первый ребёнок, который рос среди участников программы, но сохранил собственную память. Они наблюдали за ней с четырёх лет. Она должна стать автором окончательной истории.

— Она не напишет.

— Тогда Марина убедит её, что от текста зависит ваша жизнь.

Антон передал описание дома поисковой группе. В стране оказалось четыре солёных озера с бывшими пансионатами. Только возле одного росла шелковица — по старому ботаническому отчёту.

Ехать предстояло пять часов.

— Мы не успеем к трём семнадцати, — сказала Лиза.

— На вертолёте успеем, — ответил Антон. — Но сначала Зоя даст показания и останется под охраной.

— Я полечу с вами.

— Нет.

— Марина откроет дверь только мне.

— Откуда вы знаете?

— Потому что мы обещали друг другу: если одна начнёт верить чужой версии больше собственной, вторая вернёт её домой.

— Вы двадцать лет играли мать Лизы. Это не делает вас надёжной.

— Нет. Но делает единственной, чей голос Марина узнает раньше выстрела.

Лиза отпустила руку Кирилла.

— Она летит.

— Ты ей веришь? — спросил он.

— Нет. Но я знаю, как она застёгивает пальто. Как режет хлеб. Как ставит чашку ручкой вправо, если сердится. Я не знаю, мать ли она мне, но знаю человека. Иногда этого больше, чем родство.

Антон согласился при условии, что Зоя будет в наручниках. Она протянула руки без возражений.

Перед отъездом Лиза задержалась в прихожей. Сняла с крючка старый клетчатый шарф Марины и обернула вокруг шеи Зои.

— Там холодно, — сказала она.

— Ты всегда боялась, что я простужусь.

— Не превращай это в доказательство.

— Не буду.

Но обе поняли: некоторые движения переживают любую подмену имени.

Вертолёт ждал на площадке у порта. Ветер от винтов прижал траву к земле и сорвал с груши последние лепестки. Они кружились вокруг Зои, цеплялись за её тёмное пальто и белели на ткани, как соль.

Когда машина поднялась, город быстро стал плоским: крыши, улицы, порт, узкая линия прибоя. Лиза смотрела вниз и пыталась найти дом, где жила. С высоты он ничем не отличался от остальных.

Через сорок минут пришло третье сообщение.

На снимке Маша сидела за столом в комнате с синими ставнями. Перед ней лежали восемь чистых листов. На стене висели часы без стрелок.

Девочка держала ручку, но смотрела не в камеру, а на женщину напротив.

Женщина была Мариной. Настоящей или назначенной — пока никто не знал.

Под фотографией стояло:

«Воспоминание третье: мать — это человек, чей голос ребёнок выбирает в темноте».

В аудиофайле раздался голос Лизы:

— Маша, пиши.

Лиза сорвала наушники.

— Я никогда этого не говорила.

Зоя посмотрела на неё с жалостью.

— Пока не говорила.

Вертолёт лёг на новый курс. Солнце мигнуло в иллюминаторах и исчезло за облаками. В салоне стало холоднее. Зоя поправила клетчатый шарф, подаренный Лизой, и закрыла глаза.

Людмила наблюдала за ней с противоположного сиденья.

— Ты помнишь девочку, которую я привезла на станцию? — спросила она.

— Каждый день.

— Что с ней стало?

— Мужчина забрал её через пять минут после твоего ухода. Сказал, что произошла ошибка.

— Почему ты позволила?

— Потому что он показал фотографию моей настоящей дочери и пообещал привести её, если я отдам чужого ребёнка.

— Привёл?

— Нет.

— Значит, мы обе стояли на той платформе и думали, что спасаем своих детей.

— Ты ушла. Я осталась ждать до ночи.

Людмила посмотрела в иллюминатор. Внизу проплывали маленькие посёлки, поля, узкие дороги. С такой высоты невозможно было различить, кто ждёт на станции, а кто уезжает.

— Я не знала.

— Теперь знаешь.

Зоя произнесла это без обвинения. Иногда отсутствие гнева было тяжелее прощения.

Глава 6. Дом с синими ставнями

С высоты озеро казалось покрытым снегом.

Белая полоса окружала тёмную воду, уходила в заросли камыша и блестела под утренним солнцем. Но снега внизу не было. Берег покрывала соль, принесённая ветром и высохшая на камнях. За озером тянулась степь — плоская, жёлто-серая, с редкими деревьями, согнутыми в одну сторону.

Дом обнаружили не сразу. Он прятался в низине между старыми тополями. Крыша провалилась над одним крылом, стены выцвели почти до белого. Только ставни оставались ярко-синими, недавно покрашенными.

— Она знала, что мы увидим их с воздуха, — сказал Антон.

Пилот посадил вертолёт в километре от дома. Ближе нельзя: вокруг были натянуты провода, а на крыше лежали металлические листы, которые могло поднять потоком воздуха.

Идти пришлось пешком. Соль хрустела под ботинками, ветер нёс горький запах воды. Лиза шла рядом с Зоей. Наручники сняли, заменив тонким ремнём на запястье, который держал сотрудник.

— Ты помнишь дорогу? — спросила Лиза.

— Только последние сто метров.

— Почему?

— Нас привозили с закрытыми глазами.

— Но деревья видела?

— Когда убегала.

Возле дома росла старая шелковица. Её ствол раскололся надвое, одна половина засохла, другая покрылась маленькими зелёными листьями. Под деревом стоял детский стул.

Людмила остановилась.

— Он сидел здесь.

— Михаил? — спросил Кирилл.

— Мальчик, которого Виктор называл Андреем.

Воспоминание пришло запахом перезрелых ягод. Людмила увидела свои руки — молодые, без пятен, с красным лаком на ногтях. Она вытирала мальчику подбородок платком. Он спросил: «Ты теперь моя мама?» А она ответила: «Нет, я мама Кирилла».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.